

© 1992 г. ЭДЕЛЬМАН Д.И.

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭТАПАХ ФИЛИАЦИИ АРИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Принципиальная концепция истории арийских языков сформировалась в основном в конце XIX — начале XX в., однако данные, накопленные в последующий период, дают возможность снова вернуться к ней и внести определенные изменения и уточнения. Это связано с тем, что успехи последних десятилетий в области изучения истории конкретных языков и отдельных языковых групп, входящих в арийскую семью, ввели в научный обиход новые весьма существенные сведения не только об изменениях каждого данного языка в отдельности, но и об этапах истории арийской семьи в целом. Тем самым получили более детализованное освещение как дивергенция, так и встречающаяся в ряде регионов вторичная конвергенция языков и языковых групп, иными словами, более четкими предстали процессы, сопровождавшие, с одной стороны, генетическую филиацию праязыкового диалектного континуума на под-семьи и более дробные подразделения, с другой стороны, — становление, развитие и затухание вторичных ареальных объединений — языковых союзов.

Наиболее ценный материал дают в этом плане исследования в следующих областях: а) истории живых языков арийской семьи, в том числе и открытых в XX в., включая бесписьменные и младописьменные языки, содержащие иногда рефлексы более архаичного состояния, чем то, которое зафиксировано в памятниках древней письменности (особую роль сыграло в этом плане изучение нуристанских, или — традиционно — «кафирских», языков, заставившее пересмотреть состав арийской семьи и схему ее филиации), см., например [1—7]; б) истории вымерших языков, памятники которых были открыты в XX в. (см., например [7—13]); в) истории вымерших языков или древних состояний живых языков, реконструированных на основании «побочных» источников и ономастики (например, скифского, мидийского языков [14—15], дополнительного материала древнеперсидского языка [7, 16]).

За этот период изменились и наши представления об истории и.е. большой семьи в целом (см. итоговые для современного этапа труды, освещающие разные периоды существования и.е. системы на разных языковых уровнях [17—20]). Это дает возможность уточнить систему общеарийского состояния и те признаки, которые знаменовали вычленение арийских диалектов из других и.е., а также те, которые характеризовали «распад» арийской общности на отдельные семьи.

Кроме того, историко-лингвистические труды (во всяком случае, лучшая их часть) последних десятилетий в области арийских языков базируются на качественно новой методике лингвистического анализа, учитывающей, в частности, достижения не только сравнительно-исторического, но и историко-типологического и ареального направлений, методические успехи фонетики и фонологии, функциональной грамматики и т.п. Это позволяет отделять, например, изменения ареального характера от генетических, проводить различия между фонетическими тенденциями и фонологизацией результирующих звукотипов (что существенно для определения историко-фонетических изменений в языке),

выявлять принципы (и иногда содержательную подоплеку) морфологических и синтаксических трансформаций и т.д. Иными словами, учет достижений методического плана позволяет превратить констатирующие исследования в объяснительные (к термину: см. [21]), а тем самым и более достоверно определить те черты, которые служат классифицирующими при той или иной (генетической, типологической, ареальной) группировке языков.

Все это создало возможность и необходимость еще раз вернуться к рассмотрению истории арийской семьи и, в частности, к ее ранним этапам и последующей филиации на под-семьи и более дробные подразделения, т.е. к ее «ветвлению». Естественно, любая схема «ветвления» такой семьи, уходящей «корнями» в доисторическое прошлое, заведомо явится огрублением, поскольку далеко не все древние диалекты имели доходящие до нас продолжения, и многие промежуточные диалекты-«ветви» и промежуточные хронологические звенья дошедших до нас «ветвей» утрачены. Однако целесообразность этой схемы определяется ее наглядностью для представления — при взгляде «отсюда», от современности, — о путях и этапах формирования различных степеней генетического родства между конкретными языками и диалектами, составляющими эту семью.

Поскольку в рамках статьи рассмотреть все вопросы, связанные с уточнением истории арийской языковой семьи, невозможно, затронем здесь лишь некоторые моменты, касающиеся основных этапов филиации арийской семьи и затем иранской под-семьи (генетическая филиация индоарийской под-семьи, представляющая отдельную проблему, здесь не рассматривается).

Напомним вначале традиционную схему.

Согласно традиции, арийская семья считалась состоящей из двух «ветвей»: индоарийской («индийской») и иранской. Основные черты, определяемые как арийские инновации, отличающие эту семью от других и.-е. языков, а также черты, взаимно обособляющие иранские и индоарийские языки, устанавливались путем сравнения языков древних памятников: древнеиндийского (в основном, ведического), с одной стороны, и двух древних иранских — авестийского и древнеперсидского, — с другой. Живые языки, включая нуристанские, представляющие, как выяснилось впоследствии, третью «ветвь» арийской семьи, в расчет не принимались. В связи с этим термины «арийская» и «индоиранская» в отношении этой семьи употреблялись как синонимы (мы будем их различать). В качестве исходной и.-е. в то время принималась фонологическая система, включавшая, например, четыре серии смычных согласных, типа *t — th — d — dh* и т.д.

В этих условиях общими инновациями, отличающими индоиранские («// арийские») языки от других и.-е., в исторической фонетике считались следующие: 1) совпадение в индоиранской паре гласных **a, *ā* и.-е. трех пар гласных и двух пар «гласных сонантов» (т.е. слоговых вариантов носовых сонантов), происшедшее согласно признаку длительности: и.-е. **e, *o, *a, *h, *m* > индоир. **a*; и.-е. **ē, *ō, *ā, *h̄, *m̄* > индоир. **ā*; 2) отражение и.-е. **ə* («шва», т.е. слогового варианта **h*) в виде индоир. **i* (с различиями между иранскими и индоарийскими языками в перепервом слоге); 3) переход и.-е. **s* после **i* (включая **i < *ə*), **u, *r* (включая **r < *l*), **k* (из и.-е. **k, *kʰ*) и после рефлексов и.-е. **k* в индоиранском в **š*-образные звуки (др.-инд. *ś*, др.-ир. *š*), кроме позиции в группе **sr*, где **s* сохраняется. В морфологии отмечались общие инновации в виде показателей инстр. ед.ч. **-ī, *-ū* от основ на **-i, *-u*; показателя ном. мн.ч. **-īš, *-ūš* от отдельных имен на **-ī*; основы указат. местоимения **ima-* от корня **i* и ряд других. Сводку и материал см. [22, с. 5 и сл.], общий итог и новые данные [23, с. 50; 24, с. 52—54].

Следующим этапом, согласно традиции, было разделение индоиранского языка на две ветви: иранскую и индоарийскую, благодаря, главным образом, следующим историко-фонетическим инновациям в древних иранских диалектах:

1) отражению индоир. звонких аспирированных *bh, *dh, *gh в виде др.-ир. b, d, g, при сохранении их в др.-инд. в виде bh, dh, gh; 2) отражение индоир. глухих придыхательных *ph, *th, *kh в виде др.-ир. глухих щелевых f, θ, x, при сохранении их в др.-инд. в виде pt, th, kh; 3) отражение индоир. глухих непридыхательных *p, *t, *k перед последующими согласными в виде др.-ир. f, θ, x, при сохранении в др.-инд. p, t, k; 4) отражение индоир. рефлекса н.-е. глухого палатального *ṛ в виде др.-ир. s (др.-перс. θ), при др.-инд. ṛ, а рефлекса звонких палатальных (и.-е. *ǵ, *ǵh) в виде др.-ир. z (др.-перс. d), при др.-инд. j, h; 5) отражение индоир. *s в виде др.-ир. h (кроме позиций перед глухими смычными, *č, *n, где сохраняется s, и после *p, где ар. *ps > ир. fθ), при сохранении *s в древнеиндийском. Правила и примеры см. [22, с. 5 и сл.], с уточнениями [23, с. 52—57].

В дальнейшем иранская семья распадается на две большие группы древних диалектов, т.е. «ветви» — западную и восточную¹. Основные различающие их признаки выявлялись из материала уже не только древних языков (для восточной группы древние памятники отсутствуют), но и более поздних, а также живых языков, известных к тому времени. Назывались следующие черты различия: 1) сохранение др.-ир. начальных звонких смычных b-, d-, g- в западной группе и спирализация их в v-, δ-, γ- в восточной; 2) сохранение др.-ир. интервокальных групп согласных ft, xt в западной группе и озвончение их в vd, γd в восточной; 3) сохранение др.-ир. č- в начале слова в западной группе и переход ее в c- в восточной; 4) отражение др.-ир. č в неначальной позиции в зап. группе в виде č (> z, ž), в восточной — c (> z, j); 5) сохранение *h в зап. языках, при неустойчивости или утрате его в восточных. Рассматривались в этом плане и другие, менее характерные черты исторической фонетики, а также ряд морфологических и лексических характеристик вост. и зап. языков, которые, как выяснилось относительно скоро, не являются общими ни для той, ни для другой группы. Сводку признаков см. [25], рассмотрение их с привлечением новых данных см. [23, с. 130—146; 24, с. 142—143, 212—220, 340—344].

Впоследствии были выделены также определенные, в основном историко-фонетические, признаки, разделяющие языки зап. группы на сев. и южн. подгруппы. При этом было отмечено, что часть таких черт, присущая юго-зап. подгруппе, отделяет ее не только от северо-западной, но и от восточной, с которой по ряду признаков смыкаются сев.-зап. языки. Наиболее характерными чертами, определяемыми как классификационные для сев. и южн. подгрупп, принято считать следующие: 1) отражение др.-ир. s (др.-перс. θ) в виде сев.-зап. s, юго-зап. θ (> h); 2) отражение др.-ир. z (др.-перс. d) в виде сев.-зап. z, юго-зап. d; 3) отражение др.-ир. θr (ав. θr, др.-перс. θr, или c) в виде сев.-зап. hr (> r), юго-зап. θr, c > s; 4) отражение др.-ир. sp/s (ав. sp, др.-перс. s) в виде сев.-зап. sp, юго-зап. s; 5) отражение др.-ир. начальной j- в виде сев.-зап. j-, ž- (> j-, y-), юго-зап. z-; 6) отражение др.-ир. начальной группы dv- в виде сев.-зап. b-, юго-зап. d-; 7) отражение др.-ир. начальной v- (т.е. рефлекса сонанта *μ-) в виде сев.-зап. v-, юго-зап. b- (подробнее с материалом см. [23, с. 149—164]).

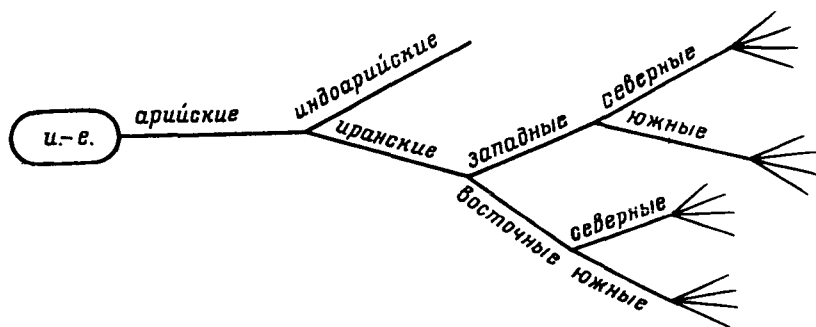
В то же время поиски лингвистических критериев, которые различали бы сев. и южн. подгруппы в восточноиранской группе, не дали однозначных результатов, да и состав этих подгрупп разными авторами определяется неодинаково. Наиболее общим историко-фонетическим признаком их размежевания

¹ Генетическая принадлежность наследующих им языков к «западной» или «восточной» группе впоследствии сохраняется, несмотря на значительные перемещения самих языков из западного региона в восточный и наоборот (ср., например, юго-восточную локализацию современного белуджского языка, относящегося к сев.-западной подгруппе, или относительно западное расположение осетинского, входящего в восточную группу).

считается различие в отражении интервокального др.-ир. *ṣ*: в виде глухих согласных (*ṣ*, реже *s* и др.) в сев. подгруппе, но звонких (*ṣ* > *ṣ̌*, *w*, *l*, *y* и др.) в южной (хотя и с исключением в виде *ṣ*-образных рефлексов в «южном» ваханском языке), а историко-морфологическим — развитие в языках сев. подгруппы именного показателя мн.ч. *-t*, *-ta* — из древнего суффикса абстрактности. Обзор этих и других менее объемных (по охвату языков) признаков и материал см. [23, с. 177—179].

Внутри подгрупп в обеих группах выявляются также более мелкие генетические группировки, определяемые главным образом на основании их историко-фонетических черт (см. [23, с. 164—176, 179—192]).

Такая система как бы намечала схему филиации арийской семьи, во всяком случае в той ее части, которая рассматривала историю иранских языков: индоиранское («арийское») единство, выделившееся из индоевропейского, членится затем на две ветви: индоарийскую и иранскую (путем выделения последней, благодаря присущим ей инновациям), далее иранская делится на западную и восточную ветви (также благодаря инновационным процессам в последней, при сохранении в западной более архаичных черт); членение западной и восточной на северные и южные подветви устанавливается на основании различных для каждой из групп признаков, причем по некоторым из них северо-западные языки объединяются с восточными (или с их большей частью); внутри каждой подветви выделяются более мелкие генетические группы.

Однако даже в рамках этой схемы изображение процесса филиации как прямолинейного симметричного «ветвления» из монолитных «стволов» — крупных прасистем (например, общеарийской, общеиранской) на монолитные же большие и все уменьшающиеся «ветви» и «подветви» (например, общесеверо-западную, общеегвовосточную) было бы не только упрощением, но и определенной натяжкой. Не случайно поэтому, излагая принципы языковой филиации и свидетельствующие о ней языковые факты, И.М. Оранский в своей итоговой работе неоднократно подчеркивает методические трудности генетической классификации языковой семьи (см., например [23, с. 119—121]). Он указывает, в частности, что общеиранское состояние не было неизменным в период (не менее, чем тысячелетний) своего существования — от выделения иранских языков (диалектов) из индоиранской общности до появления первых датированных текстов (VI в. до н.э.), что оно не только претерпевало перманентный процесс филиации, но и не было единообразным по всему ареалу. Он принимает также высказывавшиеся в литературе предположения, что материал ряда иранских языков не-древнего периода свидетельствует, что не все черты, признаваемые традиционно общеиранскими, действительно были общими для всех иранских диалектов древности [23, с. 58—60]. Подчеркивается также, что процессы дивергенции иранских языков сопровождались в ряде случаев вторичной конвергенцией и осложнялись контактами с неиранскими языками. Особого

внимания заслуживает положение о том, что членение на зап. и вост. группы имело основой расселение носителей части древних иранских диалектов (а не единого языка!) к западу от полосы пустынь Центрального Ирана, в отличие от носителей других диалектов, оставшихся на востоке [с. 128 и сл.]. Отмечается, что не все черты, которые считаются различающими зап. и вост. языки, являются таковыми: часть восточноиранских — согдийский с ягнобским, мунджанский и язгулямский сохраняют начальную *č- и трансформируют среднюю *č- аналогично северо-западным языкам, в то время как северо-западный язык ормури выявляет рефлекс *č в виде с-, -з, аналогично части восточноиранских языков [с. 140—145], и т.д.

Таким образом, в работе И.М. Оранского, подводящей итоги традиционного анализа истории иранских языков, эта традиция излагается уже с новых позиций и намечаются пути ее дальнейшего пересмотра.

Новые данные, о которых говорилось в начале статьи, не только подтверждают эти положения И.М. Оранского, но и вносят определенные коррективы в саму схему филиации арийской семьи. Рассмотрим эту схему, начиная для наглядности с конца, т.е. с вычленения подгрупп внутри вост. и зап. групп иранских языков.

Членение вост. группы на сев. и южн. подгруппы, как уже говорилось, не имеет однозначных критериев. Черты, считающиеся классификационными в этом плане, охватывают на деле не все языки каждой из подгрупп. Признак озвончения интервокальной *š в южн. подгруппе не затрагивает ваханский язык, во всяком случае его несомненно исконную лексику: ср. *gauš(i)a- > вах. γīš «ухо», *šuiš- > вах. šīš «вошь», *šuišā- > вах. šāš «сноха», *kuša- > вах. čāš- «убивать, резать (животное)» и т.д. (но тау «овца» — результат собственного развития из *maiš- или раннее заимствование из соседних языков). Имеются также случаи сохранения глухого звучания рефлексов *š в ряде лексем в других юго-вост. языках под воздействием определенных историко-фонетических, морфологических и морфонологических причин. Например, в мунджанском uevγīš, йидга avγiš «подмышка, пазуха», мундж. kaš «пестрый» глухая -š объясняется продолжением здесь в прототипе не *-š, а группы *(š)š из более ранней *šš < поздне-и.-е. *kš, хотя в соседних языках соответствующие лексемы указывают на прототип с *-š- с последующим его озвончением. Возможно, здесь сказывается древняя диалектная неоднородность юго-вост. региона — с ранним стяжением *šš > *š лишь в части его диалектов. В разных языках отмечаются также «глухие» рефлексы интервокальной *š в исходе основ наст. вр. тех глаголов, у которых основы прош. вр. (исторические причастия на *-ta) закономерно содержат рефлекс глухой *š перед суффиксальным *i, что является результатом парадигматического выравнивания, и т.п. (подробнее см. [5, с. 107—110]).

Признак наличия показателя мн.ч. -i, продолжающего суффикс абстрактности, в сев. подгруппе, при отсутствии его в южной, также не является общим для каждой из подгрупп. В «северном» (по фонетическим показателям) хорезмийском языке он отсутствует: предполагавшийся его рефлекс в виде -с оказался отражением словообразовательного суф. *-k перед показателем мн.ч. -i, так как -с во мн.ч. появляется только у имен на -k (ср. z'd(y)k «сын» — мн.ч. z'dyc) [26]. К тому же становление показателей мн.ч. из древних суффиксов абстрактности *-iā (ж.р.) и собирательности *-i/ũa (ср.р.) и из других элементов — типологически общий процесс, охвативший не только сев.-вост. языки, но и юго-восточные (ср. язг. -aθ, вах. -i в -išt) и западные (ср. историю перс. -ha, включающего рефлекс *-ũa). При этом данный процесс был относительно поздним и проходил параллельно в разных языках по мере затухания в них падежных парадигм, включая падежные флексивные формы мн. числа.

Следует отметить, однако, что внутри восточной группы наблюдаются определенные генетические подразделения с общими материальными инноваци-

ями, иногда весьма древнего происхождения. Например, ваханский язык и сакские диалекты имеют общую историко-фонетическую инновацию, сложившуюся в очень раннюю эпоху: здесь рефлексy раннеиранского сочетания *šy (из поздне-и.-е. *kṣ) предстают в виде «мягкого» ž [вах. ž, сак. ž — графически «š(š)»], хотя в большинстве иранских языков это сочетание отражается как sr, а в др.-перс. s (ср. вах. yaš, хс. ašša- «лошадь» < *ašya- < и.-е. *ekṣo-, но мундж. yosp, согд. будд., маних. 'sp «лошадь», осет. jæfs/æfsæ «кобыла», др.-перс. asa-; хс. bišša- «весь, все» < *wišya-, но ав. višpa-, бактр. oispro, др.-перс. viša- и т.д.). Переход здесь *šy > *ž и затем в ž должен был произойти до полной ассимиляции общер. *š в s, которая реализовалась в этом сочетании во всех остальных иранских языках (подробнее [5, с. 84—85]). К этому же раннему периоду — до перехода *š > s — могло относиться и совпадение рефлексов *š с рефлексами *ž в диалектах скифско-осетинской группы; впоследствии здесь к этой новой фонеме *ž присоединились и немногочисленные звукотипы *[s] разного происхождения, в результате чего в осетинском имеется единая фонема, условно обозначаемая /s/, но имеющая по диалектам разную реализацию — в виде [s, š, ž, ž̌]. Отмечаются и иные случаи раннего вычленения отдельных языков вост. группы, по другим признакам.

Вместе с тем ряд более поздних инноваций, в основном типологических, объединяет, например, «южные» — сакские диалекты с «северными» — скифскими (тенденция к анлаутной интенсивности в артикуляции звонких согласных, определенные черты глагольной системы и т.п.), что указывает на возможные относительно тесные вторичные контакты между ними в течение довольно длительного времени. Широкий набор общих черт фонологического, морфолого-синтаксического и лексического уровней, общность многих элементов плана содержания и «скрытых» категорий сближает между собой восточноиранские языки Памира, образующие единство типа языкового союза (результат общего субстратного воздействия, одновременных взаимных контактов, а в последние века — и общего воздействия на них со стороны таджикского языка); часть языков входит в большой Центральноазиатский языковой союз и т.д.

Таким образом, восточноиранская группа уже в очень ранний период — практически с эпохи общеиранского состояния (во всяком случае, до полной ассимиляции рефлексов и.-е. палатальных, о которой будет еще сказано ниже) — предстает в виде неоднородного диалектного континуума, однако различные (даже самые архаичные) материальные изоглоссы делят этот континуум не на северный/южный ареалы, а на относительно большой центральный и различные небольшие маргинальные. При этом уже в древности часть диалектов стала входить во вторичные ареальные объединения, языковые союзы, что обусловило их определенную типологическую перестройку, из-за которой не всегда различимы признаки более ранних генетических групп.

Иная картина наблюдается в западноиранской группе. Здесь историко-фонетические признаки противопоставления языков сев. и южн. подгрупп (в основном лексическом материале) действительно являются классифицирующими, причем часть их относится к очень ранней эпохе. Так, признаки (1), (2) и (4) (см. выше) сводятся практически к различному отражению ранних общеиранских *š и *ž/j, продолжающих поздне-и.-е. палатальные *k̥ и *ḡ, *ḡh (или, по глоттальной теории, *k̥[h] и *k̥', *ḡ[h]): отражения ир. *š (из *k̥) в виде сев. s ~ южн. θ (> h); ир. *ž (из *ḡ, *ḡh) — сев. z ~ южн. δ > d; ир. *šy (из *kṣ) — сев. sr ~ южн. s. Такие типы отражения должны были развиваться в этих группах раздельно уже с самого архаичного общеиранского состояния, когда рефлексy *š, *ž еще не ассимилировались и не совпали с звукотипами *[s], *[z], развитие которых в этих группах в принципе единообразно.

Некоторые отличия от указанных рефлексов *š, *ž наблюдаются в юго-зап. языках не-древнего периода, особенно живых. Так, при др.-перс. отражении

*ʃ > ʈ во всех позициях здесь отмечается рефлекс анлаутной *ʃ- в виде s-, как в сев.-зап. и вост. языках (при том, что срединная *ʃ закономерно продолжается в *ʈ > h). Аналогичный «сбой» в анлауте прослежен в развитии *ʒ > z, вместо древнего перехода *ʒ > *δ > d. По-видимому, это связано с воздействием в определенные эпохи сев. языков (мидийского, парфянского) на южные. Последние исследования выявили также иные правила. Так, к правилу (4) (отражениям ир. *ʃu) имеется аналог в виде отражения общеиранского сочетания *ʒu > сев. зап. zb ~ юго-зап. z, также прослеженного для древней эпохи, но утраченного позднее. Установлены и различия в рефлексах общеиранского сочетания *sr (из и.-е. *kr): сев.-зап. sr ~ юго-зап. s (возможно, через этапы *sr > *θr > *θʳ > ʒ — при совпадении рефлекса этого сочетания в древнеперсидском с рефлексом *tr > *θr > *θʳ > ʒ). Эти различия также затухли в более поздние периоды. Подробнее об этих процессах см. [7, с. 61—67, 127—130, 200—206, 231—232].

Остальные признаки расхождения сев.-зап. и юго-зап. подгрупп развились позднее — в результате относительно поздних инноваций в южн. подгруппе: по признаку (5) — переход начальной *j- в z- произошел только в среднеперсидском и более поздних языках (др.-перс. еще сохранял j); (6) — переход др.-ир. группы dv- (т.е. общеир. *du-) в d- относится к тому же периоду (др.-перс. сохраняет dv-), (7) — переход анлаутной др.-ир. v- (т.е. общеир. *u-) в b- был еще более поздним (др.-перс., ср.-перс. и рано покинувший южн. ареал татский языки сохраняют v-), см. [23, с. 148 и сл.]. Однако эти поздние различия наслонились на уже существовавшие древние и образовали вместе с ними классические пучки изоглосс, дифференцирующих данные генетические подгруппы.

Ряд более мелких генетических подразделений вычленяется уже внутри сев. и южн. подгрупп по отдельности в основном относительно поздно [23, с. 164—176], однако имеются и весьма старые разнонаправленные инновации в сев. подгруппе. Одна из них может быть отнесена к раннему общеиранскому уровню: рефлекс арийского (и и.-е.) сочетания *ʒu. Это сочетание в наиболее раннем общеиранском состоянии должно было перейти в *hu, однако почти по всему ареалу древних иранских диалектов оно «упростилось», отразившись как монофонема *xʷ (представленная щелевым глухим согласным увулярного или глубокозаднеязычного ряда со вторым лабиальным фокусом), которая дала затем специфические рефлексy в виде xʰ, x, ʃ и т.п. Однако ряд языков сев.-зап. подгруппы выявляют ее рефлексy в виде w (языки гурани, заза), v, w, gw (белуджский), f (мидийский, а затем сивенди, хури, феррохи), h (талышский), что указывает на исходный для данных языков древний диалектный прототип в виде *hu или *hʷ, но не *xʷ (подробнее о фонологическом статусе и реализации *xʷ, *hu, *hʷ и о рефлексах см. [27; 5, с. 51—53; 23, с. 170—171; 7, с. 80—82, 142—143, 223—225]).

Характерно при этом, что само обособление юго-западных языков от северо-западных (и от остальных иранских) — с появлением самых ранних изоглосс в виде отличий в отражениях и.-е. палатальных — должно было относиться к раннему общеиранскому периоду, когда рефлексy палатальных *ʃ, *ʒ еще не подверглись ассимиляции и не слились с *s, *z иного происхождения [5, с. 41—45; 7, с. 231—233]. Это положение как будто подтверждает высказывавшуюся в литературе идею о членении ранних иранских диалектов не на две (зап. и вост.), а на три группы (юго-зап., сев.-зап. и вост.), однако учитывая раннюю неоднородность и вост. группы в отражении тех же палатальных (см. выше), следует признать, что таких групп было больше. Изоглоссы различных отражений даже только общеиранских рефлексов палатальных членили континуум диалектов общеиранского состояния на центральный ареал с относительно ранней ассимиляцией палатальных (т.е. с переходом *ʃ > s, *ʒ > z, *ʒu > sr) и ряд маргинальных, где сохранялся «шипящий» компонент артику-

ляции или развивались иные инновации. Юго-зап. подгруппа продолжает диалекты одного из них, рассмотренные выше языки вост. группы — диалекты двух других (подробнее [28; 29, с. 41—42; 5, с. 41—42]); вполне вероятно, что были и иные, продолжение которых ныне не прослеживается.

Новые данные позволили пересмотреть и те признаки, которые считались классифицирующими при членении иранских языков на зап. и вост. генетические группы.

Выяснилось, что традиционные признаки (3) и (4), т.е. (3) отражения общеир. анлаутной *č- в виде зап. č- ~ вост. с- и (4) отражения срединной *-č- в виде зап. ž, z ~ вост. ž, z (см. выше), на деле вообще не являются классификационными.

Во-первых, как уже говорилось, переходы *č- > с-, *č- > ž, z свойственны не всем языкам вост. группы: согдийский с ягнобским, скифский (и раннеосетинский), мунджанский с йидга и язгулямский такого сдвига аффрикаты *č в дентальный ряд не знают (хотя в трех последних языках имеется дентальная с иного происхождения): рефлексy *č сохраняют здесь палатальный фокус, выступая в виде č-, č-, j, ž (как в большинстве сев.-зап. языков).

Во-вторых, в тех языках, где отмечен переход *č- > с-, *č- > ž, z, он происходил не во всех позициях, не одновременно и часто в различных по языкам лексемах. Так, в осетинском он был поздним (раннеосетинская топонимия Кавказа еще сохраняет более старую č) и был продиктован внутренней фонологической структурой языка (отсутствием оппозиции соответствующих щелевых в виде */s/ — */š/, см. выше). В ишкашимском с сангличским, в ваханском и хотаносакском языках переход *č > с связан с определенными позициями, а в положениях, способствующих сохранению палатального фокуса или появлению церебральных (разного типа), *č переходит в č, ž, ċ. Поскольку эти позиции (как и лексемы, в которых они наблюдаются) по данным языкам не совпадают, очевидно, что разное развитие здесь *č происходило в уже разделившихся языках и в те эпохи, когда *č в одних и тех же (этимологически) словах попадало в разные по языкам фонетические условия.

В-третьих, в небольшой единой генетической группе, которую составляют так называемые севернопамирские языки, отражение *č различно: в язгулямском языке сохраняется палатальность ее рефлексов — *č- > č-, *č- > j, ž (хотя имеются фонемы с, ž, z иного происхождения), в шугнано-рушанской языковой группе произошел сдвиг в дентальную зону — *č- > с-, *č- > ž, z (параллельный аналогичному сдвигу других согласных в тех же позициях: *k- > č-, *γ- > ž-, *x- > ž и т.п.). Это означает, что «дентализация» рефлексов *č произошла здесь уже после разделения языков севернопамирской группы.

В-четвертых, в языке ормури, принадлежащем генетически к сев.-зап. подгруппе, но локализованном островами на юго-востоке иранского мира, в ареале влияния языка пашто, также наблюдаются рефлексy *č-, *č- в виде č и с (и их продолжений с озвончением), с различиями, обусловленными фонетическими позициями, и с диалектными расхождениями, носящими относительно поздний характер [4, с. 69—71, 73, 105; 7, с. 198].

Таким образом, для общевосточноиранского прототипа еще была характерна палатальность в артикуляции *č-, *č-, а их сдвиг в дентальную зону происходил позднее, параллельно по языкам и, возможно, опирался в известной мере на ареальные артикуляторные тенденции (сказавшиеся и на языке ормури). Тем самым из списка черт, дифференцирующих вост. ~ зап. группы, признаки (3) и (4) следует исключить (см. подробнее [30, с. 15—16; 5, с. 155—161, 212]).

Признак (5), т.е. утрата общеир. начального *h- в восточноиранских языках, при сохранении его в западноиранских, также нуждается в корректировке: для общевосточноиранского состояния еще реконструируется *h. Со времени фонологизации звукотипа *h (из вариантов более ранней общеир. фонемы *s/h/z) новая фонема *h в ареале вост. диалектов была неустойчивой и отли-

чалась большим диапазоном фонетических вариантов: от «легкого» — ларингального выдоха (легко утрачивавшегося) до «огрубленного» — шумного увулярного или заднеязычного щелевого глухого *[x], совпадавшего позднее с *x из других источников. Рефлексы обоих вариантов засвидетельствованы в разных восточноиранских языках в различных по языкам лексемах (подробнее см. [30, с. 16—17; 5, с. 99—101, 212]).

В морфологии в результате разрушения древней флексивной системы трудно проследить древние диалектные различия. Немногие черты, которые, как представлялось, свойственны исторической морфологии зап. или вост. группы, оказываются на поверку частотными, т.е. свойственными большинству языков какой-либо группы, но не всем ее языкам (либо находят аналогию в языках другой группы). Практически ни одна из них не является классификационной (подробнее [31; 6, с. 265—267]).

Не увенчались успехом и поиски лексических изоглосс, разделяющих вост. и зап. группы: ни одна из предполагавшихся ранее изоглоссы этого уровня не охватывает все восточноиранские или все западноиранские языки.

Таким образом, в качестве классификационных в этом плане признаков остались только две историко-фонетические системные характеристики, а именно черты (1) и (2). Однако и они потребовали существенных уточнений: здесь налицо не «сохранение» древних звуков и сочетаний в зап. группе и «изменение» их в восточной, а их соответствия, т.е. 1) соответствие начальных зап. *b-*, *d-*, *g-* ~ вост. *v-* (или по языкам *w-*), *δ-*, *γ-*, развившееся на месте общер. начальных фонем **b-*, **d-*, **g-*²; 2) соответствие интервокальных консонантных групп: зап. глухих *ft*, *xt* ~ вост. звонких *vd* (или *wd*), *γd*, развившихся на месте индоиранских сочетаний **b + t*, **bh + t*, **p + t* и **g + t*, **gh + t*, **k + t* соответственно (об их предполагаемом звучании в более ранние периоды см. ниже). При этом оба данных соответствия оказались тесно связанными с теми историко-фонетическими характеристиками, которые принято считать общеиранскими инновациями, поэтому для анализа становления этих соответствий необходимо рассмотреть основные общеиранские инновации.

В литературе отмечалось, что разные «общеиранские» инновации развивались не одновременно и были взаимно связаны определенными причинно-следственными отношениями (см., например [32, с. 64]). При ближайшем рассмотрении этих инноваций на новом этапе эти связи оказываются более явными.

Так, «общеиранская» инновация (1) при сопоставлении ее с соответствием (1) между зап. и вост. группами иранских языков наводит на мысль, что совпадение индоиранских придыхательных **bh*, **dh*, **gh* и непридыхательных **b*, **d*, **g* в единую серию звонких фонем, не противопоставленных по признаку аспирации, с одной стороны, и отражение этой серии в виде анлаутных смычных *b-*, *d-*, *g-* в зап. группе и спирантов *v-* (*w-*), *δ-*, *γ-* в восточной (при интервокальной спирализации, распространившейся позднее в разных языках обеих групп), с другой, — не обязательно должно было предполагать два этапа, т.е. а) переход двух индоиранских серий в единую, всегда смычную, а затем б) спирализацию фонем этой серии в вост. группе в анлауте, при сохранении их смычности в зап. группе. Дело в том, что во многих иранских языках, включая восточные, наблюдается тенденция к анлаутной интенсивности, и спирализация согласного здесь маловероятна. Кроме того, спирантное отражение анлаутных звонких отмечается и в тех вост. языках, где даже интервокальная спирализация в столь архаичный период не происходила.

² Исключения из этого правила в вост. группе — результат относительно поздних процессов, индивидуальных по языкам: отражение древних звонких в виде *b-*, *d-* в скифско-осетинских (и в сакских) диалектах обязано вторичной тенденции здесь к анлаутной интенсивности артикуляции (выразившейся также в переходе уже увулярной *γ-* (из **g*) в *q-* в иронском диалекте осетинского); *d-* в ягнобском, ишкашимском и сангличском связано с ареальными фонетическими тенденциями (усиленными таджикским влиянием) и т.д. Подробнее [5, с. 213—214].

Более вероятно поэтому иное временное и причинно-следственное соотношение «общеиранской» инновации (1) и соответствия (1) вост. ~ зап. групп.

Известно, что в разных языках мира аспирированные согласные могут быть представлены на фонетическом уровне спирантами. Такая артикуляция отмечена, например, в индоарийских языках [33, с. 181]. Предполагается ее возможность и в древних и.е. диалектах: для фонем II серии — традиционно — **bh*, **dh*, **gh* [18, с. 151], — либо, согласно глоттальной теории, для аспирированных вариантов фонем **b^h*, **d^h*, **g^h* [19, I, с. 5—17, 36 и др.]. Поэтому естественно предположить ее для древних индоиранских диалектов до иранского совпадения двух серий звонких: индоиранские звонкие аспирированные **/bh/*, **/dh/*, **/gh/* могли реализоваться по диалектам в виде **[bh]* — *[v]*, **[dh]* — *[ð]*, **[gh]* — *[ɣ]* соответственно, при том, что **/b/*, **/d/*, */g/* были представлены в большинстве позиций как смычные **[b]*, **[d]*, **[g]* (об исключениях см. ниже).

Далее в индоарийских диалектах оппозиция этих двух серий сохраняется, а в иранских нейтрализуется, причем фонетические пути и затем фонологические результаты этой нейтрализации по разным ареалам иранского континуума были несодинаковы. В ареале зап. диалектов (и в диалекте-предке авестийского языка), где **bh*, **dh*, **gh* произносились (во всяком случае, в анлауте) с интенсивной смычной (и неинтенсивной аспирацией), нейтрализация реализовалась путем утраты аспирации и уподобления аспирированным **bh*, **dh*, **gh* неаспирированным **b*, **d*, **g*. В остальных диалектах, особенно в ареале более длительных контактов с индоарийскими языками, возможно, оппозиция двух серий удерживалась дольше, а реализация придыхательных была более близкой некоторым индоарийским языкам, т.е. с слабой смычкой и интенсивным спирантным компонентом. Это генерализовало их артикуляцию как постоянно спирантную, в том числе и в анлауте: **[v-]*, **[ð-]*, **[ɣ-]*, а непридыхательные **/b-/*, **/d-/*, **/g-/* впоследствии уподобились им³.

Это означает, что вычленение иранских диалектов из индоиранской общности по этому признаку происходило постепенно и что процесс нейтрализации оппозиции аспирированных/неаспирированных у звонких происходил в разных ареалах иранских диалектов различными путями: в зап. ареале за счет уподобления фонологически аспирированных неаспирированным, в остальных — наоборот. Это означает также, что между фонетической спирантизацией аспирированных и фонологизацией ее результатов был гигантский временной промежуток: спирантная реализация звонких могла сохраняться от и.е. — через арийский и индоиранский периоды — до общеиранского и более поздних эпох, однако фонологическое размежевание между звонкими смычными и щелевыми установилось значительно позднее — после вычленения иранских диалектов из индоиранских и членения их на разные группы, а возможно, и отдельные языки. Только тогда оказалось, что анлаутные звонкие согласные в зап. и вост. языках включены в противоположные члены оппозиции «смычный/щелевой».

Второе различие между иранскими языками зап. ~ вост. групп — соответствие интервокальных консонантных последовательностей: зап. *ft*, *xt* ~ вост. *vd* (или *wd* — обычно в тех языках, где слабо развит или неразвит ряд лабиодентальных), *ɣd* — сформировалось, как уже говорилось, на месте индоиран-

³ При этом в ряде лексем индоиранские звонкие аспирированные относительно рано оглушались и развивались в иранских языках по типу **bh* > **ph* > ир. **f*, см. «общеиранскую» инновацию (2). Характерно, что разные иранские языки иногда выявляют здесь различное отражение индоиранских звонких придыхательных. См., например, основу глагола поздне-и.е. **uebh-* (< *Huebh^h*) «плести, ткать, вязать»: индоир. **uabh-* (ср. др.-инд. *vabh-*) > **uaph-* > ир. **uaf-* > ав. *vaf-*, перс. *bāf-*, осет. *waf-*, ягн. *wof-*, шугн. *waf-*, рус. *wāf-*, сар. *wof-*, язг. *waf-*, мундж. *wof-* и т.п., но папшто *uii-* < **uaw-* < **uab-*; поздне-и.е. **bhrū-* «бровь»: индоир. **bhrū-* > ир. **(a)bhrū-* и **(a)frū-* (через этапы **(a)bhrū-* > **(a)phrū-* > **(a)frū-*): ср. кл. перс. *abru*, осет. *ærfyg/ærfug* (см. подробнее [34; 29, с. 38—39; 5, с. 24]).

ских сочетаний разных согласных губного и заднеязычного рядов с **t*. При этом традиционное представление, будто все эти сочетания дали сначала общеиранские глухие консонантные группы (по типу $*g + t > xt$, $*gh + t > xt$, $*k + t > xt$, $*kh + t > xt$ и т.д.), сохранившиеся в зап. языках и озвончившиеся в восточных, — неточно с точки зрения исторической фонетики языков вост. группы. Для них нехарактерно озвончение даже единичных интервокальных **f*, **x*, а для некоторых (ваханского, ягнобского, согдийских диалектов) — и интервокального **t*; еще менее вероятно озвончение здесь целых сочетаний (что подтверждается и неозвончаемостью сочетаний типа **st*, **št*). Объяснение соответствия зап. *ft*, *xt* ~ вост. *vd*, *γd* мы снова находим в доиранском периоде — в действии закона Бартоломе и некоторых вытекающих из него более поздних правил.

Согласно закону Бартоломе (при традиционной трактовке позднего и.е. консонантизма), сочетания звонких аспирированных с **t* имели результатом озвончение **t* и перенос на него аспирации, по типу $*gh + t > *gdh$, а в сочетаниях звонких простых с **t* оглушался звонкий, т.е. имело место изменение типа $*g + t > *kt^4$ ($> *xt$) аналогично $*k + t > *kt$ ($> *xt$) [22, с. 20—22]. При этом отмечались изменения ряда слов по аналогии: например, ав. г. *dugadar-*, ав. п. *duγdar-* «дочь» продолжают закономерно общеир. **dugdar-* с рефлексом индоир. $*gh + t > *gdh$, но кл. перс. *duxtar* — результат вторичного оглушения по аналогии к другим терминам родства на **-tar* [22, с. 21—22]. Таким образом, в общеиранском «глухие» группы **ft*, **xt* еще не были унифицированы как единственный тип отражения сочетаний данных согласных. Унификация по «глухому» типу происходит в зап. группе позднее; относительно поздней была унификация и в вост. группе, но по «звонкому» типу (ср. ав. *haptā-* «семь», белудж. *apt*, кл. перс. *haft*, талыш. *haft*, но мундж. *ovdš*, шугн. *wūvd*, осет. *avd*, хорезм. *avd* и т.п. (материалы см. [23, с. 145—146]). Тем самым, если проследить результаты действия закона Бартоломе в иранских языках, то оказывается, что в древних зап. диалектах, где артикуляция обеих серий индоиранских звонких согласных унифицировалась в анлауте по типу серии смычных неаспирированных (см. выше), тот же тип унификации распространился и на данные консонантные группы: они отразились как сочетания глухих и звонких неаспирированных + **t* (по типу $*k + t > *kt > *xt$, $*g + t > *kt > *xt$, о спирализации первого смычного в консонантной группе см. ниже). В древних восточных диалектах, где артикуляция согласных обеих серий индоиранских звонких унифицировалась в анлауте по типу серии аспирированных (фонетически — звонких спيرانтов), тот же тип унификации распространился и на данные консонантные сочетания: они отразились как сочетания звонких аспирированных + **t* (по типу $*gh + t > *gdh > \text{ир. } *gd > \gamma d$, или $*\gamma + t > \gamma d$); им уподобились сочетания типа $*g + t$, а затем — по аналогии — и $*k + t$.

Это означает, что и соответствие (2) между зап. и вост. группами иранских языков начало складываться на фонетическом уровне до совпадения индоиранских звонких аспирированных с неаспирированными, т.е. в доиранскую эпоху, а дальнейшее его развитие было связано с процессами аналогии, направленными в зап. группе в сторону сочетания **t* с фонетическими продолжениями звонких неаспирированных (и глухих), в восточной — в сторону сочетаний **t* с продолжениями звонких аспирированных, как и в случае соответствия (1). В языке Авесты, особенно в диалекте Гат, лексикализованные словоформы и непродуктивные ко времени кодификации текста образования (например, некоторые флексивные формы глагола), внутренний морфемный состав которых был уже непонятен жрецам — устным хранителям текста,

⁴ Согласно глоттальной теории, звонкие неаспирированные продолжали I серию, т.е. глухие абруптивные фонемы, поэтому в данных сочетаниях они просто сохраняли более архаичное — глухое звучание [19, I, с. 32—35].

не вызывали ассоциаций с формами аналогичного образования. В них сохраняются иногда следы действия закона Бартоломе в «чистом», не унифицированном виде. Продуктивные же образования (например, причастия на **-ta*), особенно в поздней Авесте, выявляют результаты выравнивания по аналогии «западного» типа, т.е. «глухие» консонантные сочетания вместо ожидаемых «звонких», очевидно, под влиянием произносительного узуса западноиранских жрецов.

Тем самым, членение иранских языков на зап. и вост. группы по указанным двум признакам должно было начаться — на фонетическом уровне — еще в «доиранскую» эпоху, во всяком случае до совпадения двух индоиранских серий звонких согласных в одну (подробнее [30, с. 17—22; 5, с. 213—215, 217]). И та общность, которую мы называем праиранской, общеиранской и т.п., уже ко времени вычленения ее из индоиранской представляла собой диалектный континуум, в котором единый (в целом) фонологический строй допускал различную по ареалам фонетическую реализацию одних и тех же фонем (в данном случае, смычных звонких) и различные правила фонемной синтагматики (включая способы сочетания губных или заднеязычных + **t*).

Неединообразие «общеиранского» состояния подтверждается при более пристальном внимании к остальным «общеиранским» инновациям.

Целый ряд исключений выявился у «общеиранской» инновации (2), т.е. отражения индоиранских глухих аспирированных **ph*, **th*, **kh* в виде иранских спирантов **f*, **θ*, **x*. Во многих языках, особенно вост. группы (и в частности, входящих в ЦАЯС), на месте предполагаемых индоиранских **ph*, **th*, **kh* в анлауте перед гласным и в интервокальной позиции в ряде лексем обнаруживаются смычные **p*, **t*, **k* (в позициях же после **s*, **n* и ряде других — смычные выступают во всех иранских языках). Перебои в виде отражения индоиранского глухого неаспирированного иранским щелевым наблюдались и в древних иранских языках (см., например [22, с. 8—9; 35; 36; 37]). В литературе их обычно объясняют парадигматическим выравниванием, однако далеко не ко всем позициям такое объяснение применимо.

Сохранение рефлексов индоиранских глухих аспирированных в индоарийских языках (где они представлены смычными аспирированными, иногда с аффрикацией [33, с. 227]) дает возможность уточнить наличие/отсутствие этимологических продолжений глухих аспирированных и неаспирированных в живых иранских языках, что делает картину их отражения более объемной и выявляет случаи перебоев, причины которых уходят корнями в доиранский период. Ср., например, отражения анлаутного **k-* в словах, продолжающих индоир. **kapha-* «пена, слизь» (др.-инд. *kapha-*): ав. *kafa-*, перс. *kāf*, тадж. *kaf-k* «пена» с рефлексами **k-*, но мундж. *xaf*, ишк. *xuf*, вах. *xuf*, язг. *xuf-k*, хот.-сак. *khavā* («*kh*») — графема для [x]) «пена, слизь», осет. *xəf* «гной», ягн. *xoʃa* «слюна», с рефлексами **x-*; ср. также шугн., руш., барт. *šāf* «слюна» (с *š-* из ир. **x-*), при шугн. *xīf*, руш. *xof*, барт. *xōf*, сар. *xef* «пена» (с *x-* из более позднего **x-* из ир. **k-*). По-видимому, здесь имела место частичная ассимиляция анлаутной согласной по типу срединной, но не в общеиранский период, когда основа звучала **kaf-*, а в доиранский — с трансформацией **kapha-* > **khapha-* и с колебаниями **kh/k* по диалектам. Другой случай — отражение срединной глухой в виде рефлексов придыхательной/непридыхательной: ср. ав. *kaofa-* «гора, горб животного», др.-перс. *kaufa-* (> перс. *kuh*, тадж. *kūh* «гора»), мундж. *kīfa* и т.п. с рефлексом **f*, но пашто *kup* «сгорбившийся», *kubay* «горбатый (о животном)», вах. *kəp* «горб», язг. *kəp*, ст.-вандж. *kup/b* «гора, скала, камень» с рефлексами **p*. Здесь в первой группе примеров продолжается **f* < индоир. **ph*, указывающая на индоиранскую праформу **kaupha-*, однако в древнеиндийском такая форма не зафиксирована, а позднеиндоевропейский прототип должен был представлять собой **keu-p-* [38, с. 591]. Это означает, что либо в индоиранском сосуществовали два фонетических варианта **kaupha-* и **kaupa-*,

либо сбой произошел в более поздний период — в диалектах общеиранского.

В итоге для общеиранского периода рефлексы реконструируемых индоиранских **ph*, **th*, **kh* предстают в виде не однозначно щелевых **f*, **ð*, **x*, а в виде колеблющихся по ареалам, языкам и позициям **f/p*, **ð/t*, **x/k*. При этом в ареале большинства зап. (и особенно — юго-зап.) древних диалектов глухие согласные этой серии имели, по-видимому, менее интенсивную смычку и более сильную аспирацию (в противоположность реализации и затем фонемному отражению звонких аспирированных), что обусловило их более частый переход в щелевые. В вост. диалектах смычный компонент фонем этой серии был более интенсивным, а аспирация более слабой (также в противоположность звонким аспирированным), что сохранило их колебания в артикуляции сначала как глухих аспирированных//неаспирированных с переходом затем в фонемы с щелевым и смычным вариантами (позиционными или свободными по языкам): индоир. **ph/p*, **th/t*, **kh/k* > ир. **f/p*, **ð/t*, **x/k*. При этом в ареале ЦАЯС возможность их спирантной реализации оказалась еще меньшей из-за субстратной артикуляционной базы: языкам этого ареала несвойственны глухие щелевые (см. [39; 40; 5, с. 47—49, 54—56 и др.]).

Все это указывает еще и на возможность не только поздней неустойчивости артикуляции доиранских **ph*, **th*, **kh* в тех диалектах индоиранского состояния, которые были предками древних иранских диалектов, но и относительно ранней неустойчивости размежевания глухих аспирированных/неаспирированных в индоиранском, о чем будет сказано ниже.

Еще более ограничено действие «общеиранской» инновации (3). В ряде языков отсутствует устойчивое фонологическое спирантное отражение глухих: здесь либо сохраняются рефлексы древних смычных в «чистом» виде (ср. вахан. *pəir* «сын» < **putra-*, *truu* «три» < **irai-*, белудж. зап. *tatka* — при вост. *tʰaxiʰa* «(по)бежавший» < **tak-ta-ka* от корня **tak-*, *apt* «семь» < **hapta-*), либо происходят стяжения данных консонантных групп таким способом, который не подразумевает этапа спирантизации их начального компонента. При этом следы спирантного и неспирантного отражения глухой преконсонантной согласной могут различаться в разных лексемах даже в одном и том же языке. Фонетическая же тенденция к спирантизации преконсонантных согласных наблюдается с глубокой древности (она отмечена в Авесте) до настоящего времени, когда она охватывает и заимствованную лексику. Это означает, что речь здесь должна идти не об общеиранской инновации, зафиксированной на фонологическом уровне, а о фонетической тенденции презентации консонантных групп, которая далеко не всегда имеет результатом фонологическое закрепление спирантности преконсонантного согласного. Следует отметить к тому же, что в тех языках (и ареалах), где серия глухих щелевых **f*, **ð*, **x* из индоир. **ph*, **th*, **kh* не устоялась фонологически, спирантность не закрепляется и при реализации глухих смычных в преконсонантной позиции. Таким образом, инновация (3) в плане фонологизации представленных в ней тенденций следовала хронологически за инновацией (2), была подчинена ей и имела еще более ограниченные в ареальном отношении следствия. Подробнее см. [41; 29, с. 40; 5, с. 26].

Инновация (4), связанная с процессами ассимиляции и.-е. палатальных, также не была одновременной и фронтальной по всем древнеиранским диалектам. Как уже говорилось выше, полная ассимиляция, т.е. переход и.-е. палатальных в сибиланты (**k* > *s*, **ǵ*, **ǵh* > *z*), не сразу охватила всю территорию континуума. Часть диалектов, особенно маргинальных, сохраняла в течение некоторого времени более архаичное звучание типа **š*, **ž*, а затем развивала собственные инновации, отличные от свойственных большинству диалектов центрального ареала. Нам известны немногие факты этого плана: отражение этих **š*, **ž* в виде *ð*, **ð* > *d* в юго-зап. языках, совпадение **š*, **ž* с шипящими в скифо-осетинской группе, особое развитие сочетания **šm* в юго-зап. языках.

с одной стороны, и предках сакско-ваханской группы, с другой, а также некот. др. (см. выше).

Эти «исключения» подтверждают тот факт, что в наиболее архаичном состоянии общеиранского рефлексы индоевропейских палатальных были представлены еще щелевыми согласными с «шипящей» артикуляцией — *š, *ž, близкими к своим индоиранским прототипам *ś, *ž/f, *žh/fh (см. ниже). Полная же их ассимиляция (> s, z) в большинстве древних иранских диалектов и слияние с другими звукотипами *[s], *[z] (происшедшими из и.-е. *s и иными) произошла лишь тогда, когда перестало действовать фонетическое правило перехода *s > h в свободных (т.е. анлаутной перед гласным, интервокальной, ауслаутной после *a) позициях, свойственное реализации рефлексов индоир. *s (в противном случае этот процесс охватил бы и новые *s < *ś, чего не произошло) [32, с. 64].

Это означает, что инновация (4) не была праязыковой общеиранской. В тех древних «центральных» диалектах, где она происходила, она следовала за инновацией (5) и была в значительной мере обусловлена ею.

Инновация (5) является действительно общеиранской, однако ее фонологическая интерпретация также нуждается в более пристальном внимании. Ослабление индоир. *s > ир. *h в свободных позициях (имеющее типологические аналогии в разных языках мира и прямое соответствие в виде процесса s > h в ауслауте в древнеиндийском) не затрагивало *s в ряде консонантных групп (в основном перед глухими согласными и *n) и его варианта *z перед звонкими согласными. Тем самым в наиболее архаичном общеиранском состоянии (синхронном существованию фонем *ś, *ž из и.-е. палатальных) фонема, наследующая индоир. *s, была представлена тремя основными вариантами: *s/h/z (ср. формы связки ед.ч.: 1 л. *ahmi < индоир. *asmi < и.-е. *esmi, 2 л. *ahi < *as(s)i < *es-si, 3 л. *asti < *asti < *esti, императ. ед.ч. *(a)zdi < *azdhi < *es-dhi). Фонологическое выделение *h и — позднее — *z изменяет фонемную систему, способствуя сдвигу *ś > *[s] и слиянию этой и других новых *[s] с вариантом *[s] старой общеир. фонемы *s/h/z (подробнее [29, с. 42—44; 5, с. 50—54, 93—106, 210]).

Таким образом, общеиранская фонологическая система оказывается значительно более архаичной, чем это представлялось традиционно, и более отодвинутой к индоиранской (мы не коснулись здесь и более архаичной системы реализации сонантов и наличия в общеиранском древнего разноместного ударения ведического типа, которые также свидетельствуют о большой архаичности общеиранского состояния и относительной близости его к индоиранскому). Не все признаки, считавшиеся общеиранскими, оказываются таковыми: часть их явилась более поздней и свойственной не всем иранским диалектам древности. Кроме того, само «общеиранское» состояние оказывается не монолитным: существовал диалектный континуум, членившийся на группы, подгруппы, ареалы и т.д., причем некоторые изоглоссы, членившие этот континуум, начали формироваться (на фонетическом уровне) еще до отделения иранских языков от индоарийских (способы отражения индоиранских серий звонких согласных), другие — тогда же, либо (самое позднее!) на очень раннем этапе архаичного иранского (разные по диалектам отражения *ś, *ž из и.-е. палатальных) и т.д. Некоторые фонетические тенденции могли быть ускорены или, напротив, замедлены субстратными артикуляционными базами и т.п.

Благодаря отсутствию монолитности «общеиранского» состояния и его большей, чем предполагалось, архаичности в несколько ином виде предстает и «общее» индоиранское состояние, о чем свидетельствуют его реконструируемые историко-фонологические характеристики.

Во-первых, здесь были противопоставлены фонологически две серии звонких согласных: аспирированных и неаспирированных. Первые могли быть представ-

лены звукотипами как смычной аспирированной, так и спирантной артикуляции, с возможным распределением этих видов артикуляции по фонетическим позициям и по ареалам индоиранского мира (не исключено и свободное варьирование их в разных диалектах). Вторые были представлены звонкими неаспирированными смычными звукотипами. Обе серии продолжали соответствующие общеарийские (см. ниже). В дальнейшем древнеиндийский сохранил противопоставление этих серий, в общеиранском же они совпадут, но с неодинаковой по группам диалектов реализацией новой единой серии звонких и с некоторыми ареальными ранними «сбоями» в отдельных лексемах.

Во-вторых, столь же четкой фонологической оппозиции серий аспирированных и неаспирированных глухих не прослеживается, хотя реконструируются оба вида соответствующих звукотипов, восходящих в основном к общеарийским (см. ниже). Аспирированные, по-видимому, могли реализоваться не только глухими смычными с придыханием, но и спирантами (в основном в диалектах «иранского» ареала, наиболее часто — в тех, где звонкие были смычными); неаспирированные в основном были представлены смычными глухими. Имелись, однако, и нередкие «перебои» глухих придыхательных и непридыхательных, особенно заметные в начальной и интервокальной позициях. Характерно также несовпадение благоприятных позиций для аспирированных и неаспирированных глухих в разных ареалах индоиранского мира, отразившееся уже в древних индоарийских и иранских диалектах. Так, например, если в первых позиция после **s* и **n* перед гласным благоприятна для придыхательных, то в последних здесь выступают всегда рефлексy непридыхательных глухих смычных: ср. др.-инд. *sthā-* «стоять» ~ ир. **stā-* > ав., др.-перс. *stā-* и т.д.; др.-инд. *pánthās* (ном. ед.ч.) : *pathās* (ген. ед.ч.) «путь, дорога» ~ ир. **pántāh* : *pa-dāh* > ав. *panti-* : *paθ-* (с *t* < индоир. **t*, но *θ* < индоир. **th*). Аналогично соотношение возможности отражения начальных индоиранских смычных в виде иранских щелевых (как бы рефлексов аспирированных), но невозможности такого отражения после **s*, **n* (ср. иранские варианты **xauda-* // **skauda-* «шапка» из поздне-и.-е. **(s)keu-dh-* [38, с. 952] > ав. *xaoda-*, др.-перс. *xauda-*, парф. *xōd* «шапка», кл. перс. *xōd* «шлем», осет. *xud/xodæ*, сар. *хѣwδ* «шапка», ягн. *xud/t* «тюбетейка», но вах. *skid* «тюбетейка»). Это свидетельствует о том, что в праиранских диалектах индоиранского континуума аспирация глухих была относительно несильной и непостоянной и что в данных сочетаниях, где предшествующие **s*, **n* брали на себя часть воздушной струи, они практически сводили ее к нулю, и сочетание **sph* реализовалось фонетически в виде **[sp]*, что обеспечивало его соответствующую фонологизацию в общеиранской системе в виде **sp*, вместо ожидаемого **sf*. В дальнейшем индоарийские языки разовьют устойчивую оппозицию этих двух серий, иранские — оппозицию наследующих им смычных и щелевых глухих, однако со значительными лексическими несовпадениями.

Консонантные группы, образованные по принципу закона Бартоломе, в индоиранском еще сохраняли четкие различия рефлексов аспирированных/неаспирированных звонких и глухих. При этом они продолжали те стереотипы звучания, которые сложились в более раннюю — и.-е. эпоху [19, I, с. 32—35] и которые удерживались, с некоторыми изменениями, в общеарийском (см. ниже).

В-третьих, рефлексy и.-е. палатальных сохраняют еще в индоиранском «шипящий», т.е. палатальный, компонент артикуляции, реализуясь в виде **š*, **j* (или **ž/j*), **jh* (или **zh/jh*), т.е. глухая в виде щелевой **š*, звонкие — в виде аффрикат и/или щелевых и аффрикатных вариантов (возможно, ареальных). Т.е. в глухой **š* уже заметно затухшeва на ее более ранняя — общеарийская — аффрикатная принадлежность (**č* < **k̥* < **k̥ʰ*, аналогично **j* < **g̊* < **k̥*, **jh* < **g̊h* < **g̊ʰ*). Более устойчивое сохранение аффрикатности звонких в индоарийских языках вызвало их отличное от иранского развитие (см. ниже). Рефлексy

же поздне-и.-е. **k* перед глухими согласными (особенно наглядно это проявляется в многочисленных сочетаниях **k* + *i*) сохранили и усилили его шипящий характер, перейдя в индоиранском через этап **št* в **št* с дальнейшим слиянием этого **š* с *š*-образными звуками, развившимися позиционно из и.-е. **s* (см. ниже), например, **aštā(u)* «восемь»: др.-инд. *aṣṭāu*, *aṣṭā*, ав. *ašta* и т.п. из поздне-и.-е. **oktō(u)*.

В более детализованном виде предстают и те рассмотренные выше характеристики, которые, согласно традиции, выделяют индоиранские языки из других индоевропейских. Они тоже, как представляется, свидетельствуют о неоднородности древнего индоиранского диалектного континуума.

Традиционная черта (1), связанная с совпадением разных и.-е. гласных и слоговых вариантов носовых сонантов в индоиранские гласные **a*, **ā*, нуждается в уточнении: рефлексы слоговых вариантов **ṇ*, **m̃* перешли в **a* не непосредственно. В начале своей вокализации они звучали, по-видимому, как назализованные гласные не среднего ряда (типа [ã]), а переднего или продвинутого вперед (типа [æ̃] > [æ̃], условно их можно обозначить как [ã̃] > [ã̃]). Это способствовало частичной палатализации оказавшихся перед ними гуттуральных, причем палатализации менее ярко выраженной и менее устойчивой, чем в позициях перед рефлексами и.-е. **e*, **i*, **i̯*. В дальнейшем следы этой палатализации спорадически выявляются в авестийском и других иранских языках (включая живые), и реже — в древнеиндийском. Такая неравномерность могла быть следствием как неравномерности этой палатализации по индоиранским диалектам, так и вторичной элиминации ее в древнеиндийском в результате свойственного ему парадигматического выравнивания. Ср., например, ав. *jasaiti* «идет» с *ja* < **gā* < **g^om̃* от **g^oem*-, при др.-инд. *gacchati*; ав. *vī-mərənčaitē* < **vi-mṛṇk-ṇtai* 3 л. мн.ч. през. мед. от **mark*- «уничтожать, разрушать»; ав. *jastra*, кл. перс. *žarf*, гилиян. *julf* «глубокий» < **gmbhrá*-, при др.-инд. *gabhiráh*- и т.д. (см. также [5, с. 30—31]).

Не единообразным по индоиранским языкам был и признак (2) — переход и.-е. **ə* (т.е. **H*) в **i* или **ø* в ьпервом слоге, о чем существует большая литература. Уточнения, сделанные в последние десятилетия, отражены в ряде недавних работ (см. [42—47], там же анализ более ранних трудов).

Наконец, признак (3) также нуждается в уточнении. Переход и.-е. **s* в *š*-образные звуки происходил в позициях после рефлексов поздне-и.-е. **i* (и **ə*), **u*, **r* (и **l*), **k* (и **k^o*), **k̥*; начавшийся на фонетическом уровне в диалектах группы сатэм и.-е. языка, он, возможно, не завершился в индоиранском. Порожденные им шипящие звуки «мягкой» артикуляции, т.е. со вторым палатальным фокусом, типа [š̃] (после **i*, **i* < **ə*, **k*), и «твердой» артикуляции, т.е. со вторым велярным фокусом, типа [š̃, š̃] (после рефлексов **u*, **r*, **l*, **k*, **k^o*), к индоиранскому периоду, возможно, уже фонологизовались в виде единой фонемы **š̃*. Однако по ареалам она реализовалась неодинаково.

В ареале будущих индоарийских и примыкающей к ним части восточноиранских языков под воздействием субстрата возобладавало «твердое» произношение [š̃], что отразилось на вхождении затем ее рефлексов в церебральный ряд, а при дальнейших изменениях — в бемольном характере ее продолжений, в частности, в южном регионе восточноиранских языков (при возникновении здесь позднее и новой — «мягкой» *š̃* из вариантов **š̃*, **š̃* и др.). В ареале будущих западноиранских и северном регионе восточноиранских диалектов она реализовалась в виде «мягкого» [š̃], что отразилось в ее продолжениях.

Характерна различная фонемная интерпретация продолжений и.-е. **s* в группе **sr* в случаях, когда по правилам исторической фонетики ожидалась индоиранская группа **šr*: в древнеиндийском она отражается как /*sr*/, в иранском — */*šr*/ (ср. др.-инд. *iśrās* ~ ав. *išrō* «три» ж.р.). Возможно, данное «исключение» в древнеиндийском — результат церебральной артикуляции рефлекса **š̃*, благодаря которой его постальвеолярность и заметная веляризация восприни-

мались как результат ассимилятивного воздействия на него со стороны гоморганного ему последующего [r]. В таком случае эти артикуляционные признаки [*ʃ] в данном сочетании трактовались не как ингерентные дистинктивные признаки фонемы /ʃ/, а как позиционные признаки фонетического варианта фонемы /s/. Такая трактовка [ʃr] как /sr/ могла вызвать затем гиперкорректную артикуляцию этого сочетания и привести к его регулярной диссимилиации на фонетическом и фонологическом уровнях.

Таким образом, даже по приведенным историко-фонетическим характеристикам индоиранское состояние предстает в несколько уточненном виде, однако при этом в большей степени ощущается и его неоднородность.

Для анализа более архаичного — арийского состояния обратимся к языкам третьей «ветви» этой семьи — нуристанским (в традиционной терминологии — «кафирским»). Ее основные отличительные признаки лежат в плане историко-фонетического развития этих языков (морфологические отличия установить трудно ввиду значительной структурной перестройки этих языков с утратой большей части древних парадигм; изучение лексических изоглосс — дело будущего). Основные из них:

1. В нуристанских языках отсутствуют различия между рефlekсами более ранних аспираторной и неаспираторной серий звонких в свободной позиции. И те, и другие отражаются здесь в виде звонких неаспираторных смычных или их рефlekсов, как в иранских языках зап. группы. Ср., например, отражение *dh-: кати, вайгали *dūm*, ашкун *dūm*, прасун *ūlūmū* «дым» ~ др.-инд. *dhūmā-* ~ ир. **dūta-* (кл. перс. *dūd*) из поздне-и.-е. **dheu(ə)-* (< **d^heu(H)-*), — при аналогичном отражении *d-: кати *duc*, ашкун *dus*, прасун *läze*, вайгали *dōš* «десять» ~ др.-инд. *dāśa-* ~ ир. **daśa-* (> ав. *dasa*, др.-перс. **dada* > кл. перс. *dah*; шугн. *dīs*, пашто *las*, осет. *dæš* и т.д.) из поздне-и.-е. **dekm-* (< **t'ek^hm-*). Однако имеются косвенные свидетельства наличия здесь в прошлом этих серий и, в частности, серии звонких придыхательных: в отдельных лексикализованных формах на стыке корня, завершавшегося звонкой аспираторной, и суффикса, начинавшегося с *t, обнаруживается звонкий рефлекс *t, появившийся благодаря действию здесь в прошлом закона Бартоломе (см. выше): например, кати, ашкун *bədi*, прасун *būdū*, *būt* «разум» ~ др.-инд. *buddhi-* из поздне-и.-е. **bheudh-* (< **b^heu^hd^h-*) с суф. *-ti. При этом в продуктивных образованиях с *-t, например, в причастиях на *-ta, происходит унификация глухого, как в западноиранских языках. Ср. ашкун *betō* «он понял» (< **butta-*, при др.-инд. *buddha-*, от того же корня) и *pṛōiā* «он дал» (< **pra-datta-* от основы **dad-*, корень **dā-*, где *ti закономерно) [3, с. 24 и сл.].

2. В нуристанских языках не прослеживаются прямых или косвенных следов оппозиции аспираторных и неаспираторных глухих. Они отражаются одинаково в виде глухих смычных неаспираторных даже в тех лексемах, где индоиранские языки последовательно выявляют аспираторные или их рефlekсы. Ср. кати *kur* «осёл» ~ др.-инд. *khara-* ~ ир. **xara-* (> ав. *xara-*, кл. перс. *xar*, руш. *šor* с ʃ < *x).

3. Рефlekсы и.-е. палатальных в нуристанских языках отличаются от индоиранских: поздний и.-е. **k̥* (из **k̥^h*) > нур. **c* (> *c*, *s* и др.), и.-е. **g̊*, **g̊^h* (из **k̊*, **g̊^h*) > нур. **ʒ* (> *ʒ*, *z* и др.). Например, нур.: кати *cūi*, ашкун *cūni-*, вайгали *cūnə* «пустой» ~ др.-инд. *sūnya-* id. ~ ир. **sū-* (ав. *sūra-*, кл. перс. *sūrāx* «дыра») из поздне-и.-е. **keu-* : *kū-*; нур. : вайгали, трегами *cū-* «собака» ~ др.-инд. *śvan-* : *śun-* ~ ир. **śvan-* : *śun-* (ав. *span-* : *sūn-*, кл. перс. *sag* < **śva-ka-*, вах. *šāč* < **śva-čī* и т.д.) из поздне-и.-е. **k̊en-* : *k̊un-*; нур. : вайгали *ō-kac* «смотреть (вверх)» ~ др.-инд. *kāś-* ~ ир. **kaś-* (ав. *kas-*, др.-перс. **kaθ-* > кл. перс. *nī-gāh* «взгляд», язг. *kas-* «смотреть» и т.п.) из поздне-и.-е. **k̊ōk̊-*; нур. : кати *ʒō*, ашкун, вайгали *zā* «колени» ~ др.-инд. *jānu-* ~ ир. **zānu-* (ав. *zānu-*, кл. перс. *zānu*) из поздне-и.-е. **g̊enu-*; нур. : кати *zim-/zīm*, трегами, вайгали *zim*, прасун *zima* «снег» ~ др.-инд. *hima-* ~ ир. *zima-* (ав. *zəto* — ген., кл.

перс. *zimistān* «зима») из поздне-и.-е. **ġheimen* : *ġheimn*- и мн. др. (см. [1, с. 228; 2, с. 7; 3, с. 23 и сл.]). Соответственно развивались палатальные в преко́нсонантной позиции: ср. отражение группы **kt* в виде нур. **ct* > *st* (например, прасун *āstē* «восемь») [48].

Таким образом, изменение палатальных осуществлялось здесь через этапы: поздне-и.-е. **k* > раннеар. **č* > позднеар. **ć* > нур. *c*, — т.е. через ступени аффрикации палатального и затем продвижения аффрикаты вперед, в дентальный ряд, без утраты смычного элемента артикуляции. Аналогичный путь проделали звонкие: поздне-и.-е. **g*, **gh* > раннеар. **j*, **jh* > позднеар. **j*, **jh* > нур. *ž* (с утратой аспирации). При этом совпадения рефлексов палатальных с рефлексами гуттуральных при их вторичной палатализации (отразившихся в нуристанских языках в виде *č*, *j* > *ž*, *ž*) не происходит, как и в иранских языках (см. [3, с.32]).

4. В нуристанских языках рефлексами и.-е. **s* после **u* в исконной лексике служат не *ž*-образные звуки, а *s* (или рефлексы более ранней **s*). Ср. кати *musə*, прасун *müsu* «мышь» ~ др.-инд. *mūṣ-* ~ ир. **mūš-* (ав. *mūš-*, кл. перс. *mūš*, пашто *maž-ak*, согд. *mwš-*) из и.-е. **mūs-*; кати *dus*, вайгали *dōs*, *dūs*, прасун *ulūs* «вчера» ~ др.-инд. *doṣā-* ~ ир. **dauš-* (ав. *daoša-tara-*, кл. перс. *dōš*) из и.-е. **deu-(e)s-* (< **i'eu-*) и т.д. [1, с. 232; 2, с. 9; 3, с. 38].

Высказывавшиеся в литературе мнения об обратном развитии здесь *s* из более ранней **ž* после **u* не подтверждаются материалом: переход **ž* > *s* не фиксируется для вторичных сочетаний *u* + *ž* (в том числе в заимствованиях). Остается признать, что фонетическая тенденция к появлению у и.-е. **s* второго фокуса в позициях после **i*, **u*, **r*, **k*, **k* (и совпавших с ними рефлексов **a*, **l*, **k*^o) не ограничивалась только вторым палатальным и веларным, т.е. язычными фокусами, которые наблюдаются при переходе **s* в *ž*-образные звуки в языках группы сатэм: в позиции после **u* мог возникнуть не язычный, а лабиальный фокус с реализацией фонемы */*s*/ в виде звукотипа *[*s*^o], который затем, в период трансфонологизации различных вариантов */*s*/ (т.е. звукотипов [*s*, *š*, *ž*, *ž*, *s*^o] и др.), не имея второго язычного фокуса и тем самым «шипящего» элемента артикуляции, был втянут в орбиту новой фонемы */*s*/, а не */*ž*/ (см. также [5, с. 48]).

Имеется ряд других, менее существенных особенностей в историко-фонетическом развитии нуристанских языков. Подробнее [1—3; 5, с. 42—43, 48, 55 и др.].

Теперь, сопоставив рассмотренные выше историко-фонетические признаки, отделявшие праязыковые состояния разных подсемей друг от друга, можно сделать некоторые выводы относительно соответствующих черт общеарийского праязыкового состояния (учитывая его возможную диалектную неоднородность) и заложенных уже в нем тенденций к дальнейшему развитию.

1. В общеарийской системе были четко противопоставлены две серии звонких согласных: аспираторованные **bh*, **dh*, **gh*, которые могли быть представлены по позициям и по ареалам как смычными аспираторованными, так и щелевыми звукотипами *[**bh*] — *[**v*], *[**dh*] — *[**δ*], *[**gh*] — *[**γ*], и неаспираторованные **b*, **d*, **g*, представленные обычно смычными неаспираторованными. Серия аспираторованных звонких возникла из аспираторованных вариантов раннеиндоевропейских звонких **b*^[h], **d*^[h], **g*^[h]; серия неаспираторованных — из неаспираторованных вариантов той же и.-е. серии звонких — при совпадении с ними озвончившихся в свободной позиции вариантов и.-е. фонем глоттализированной серии (**p'*), **t'*, **k'* (подробнее [19, I, с. 52 и сл.]). Озвончение последних разрушило древнюю дополнительную дистрибуцию аспираторованных/неаспираторованных звонких звукотипов и в большей мере способствовало становлению общеарийских двух серий звонких фонем. При этом уже со времени их фонологизации само наличие двух серий звонких было «трудным» для системы и несло в себе тенденции к дальнейшим преобразованиям.

Косвенным свидетельством различия этих двух серий в общеарийском

является продолжение действия в тот период закона Бартоломе, хотя в его функционировании сохранялись унаследованные от индоевропейского стереотипы реализации срединных консонантных групп: звонкой — с аспирированным звонким (из и.-е. звонкого) ~ глухой — с неаспирированным звонким (из и.-е. глухого глоттализированного), см. [19, I, с. 32—35].

Обособление нуристанских языков от других арийских (практически — от индоиранских, поскольку промежуточных звеньев и следов других групп арийских языков в настоящее время не обнаруживается)⁵ знаменовалось утратой в них признака аспирации звонких и унификацией обеих серий по типу звонких смычных неаспирированных: **b*, **d*, **g*. При этом преобразуется и затем затухает действие закона Бартоломе: продуктивные образования выявляют построения соответствующих консонантных групп по типу сочетаний звонких неаспирированных с глухими (например, ар. **g + t > kt*), который становится здесь универсальным, и только застывшие ранее лексемы дают образцы и «звонких» сочетаний типа ар. **gh + t > gd*. Индоиранские же языки дольше сохраняли оппозицию этих серий. Она продолжилась в древнеиндийском практически в неизменном виде: *bh*, *dh* (> *h*), *gh* ~ *b*, *d*, *g*, — а с нею и соответствующее действие закона Бартоломе. В иранских языках нейтрализация этой оппозиции была одновременной, разнонаправленной и дала неодинаковые результаты по генетическим группам. В западной группе утрачивалась аспирация звонких смычных и происходила унификация обеих серий по типу звонких неаспирированных: **b*, **d*, **g*, а соответственно — по закону Бартоломе — трансформация интервокальных консонантных сочетаний в глухие, как в нуристанских языках. В восточной группе, где возобладала спирантная реализация аспирированных **v* (или *w*), **δ*, **γ*, унификация происходила путем уподобления им звонких неаспирированных, а соответственно — по закону Бартоломе — консонантные сочетания с ними отражались как звонкие (с поздним изменением по аналогии с ними и сочетаний с глухими согласными). В языке Авесты сохраняются следы не унифицированного еще действия закона Бартоломе (в застывших или уже не понятных формах), но в целом фонетика перестраивается по «западноиранскому» типу.

2. Неясно, была ли в общеарийском оппозиция двух серий глухих согласных — аспирированных/неаспирированных — столь же четкой, как оппозиция аналогичных серий звонких. В принципе продолжения раннеиндоевропейских аспирированных и неаспирированных вариантов глухой неглоттализированной серии **p[h]*, **t[h]*, **k[h]* могли развиваться здесь в самостоятельные фонемные серии: аспирированных **ph*, **th*, **kh* и неаспирированных **p*, **t*, **k*, — особенно при совпадении последних с рефлексам глухих вариантов фонем и.-е. глоттализированной серии (**p'*), **t'*, **k'*, выступавших в составе консонантных групп (согласно закону Бартоломе) [19, I, с. 32—35, 54 и сл.]. Однако ограниченность глухих рефлексов глоттализированных только данной позицией не способствовала разрушению древней дополнительной дистрибуции между аспирированными и неаспирированными глухими звукотипами. Тем самым глухие рефлексы глоттализированных являлись более слабой опорой для фонологизации в общеарийском двух серий глухих, чем их же звонкие рефлексy — для фонологизации двух серий звонких. В результате признак аспирации не всегда оказывался зафиксированным на фонемном уровне и не всегда был стабильным фонетически, что сказалось на его ареальной и лексической вариативности в дальнейшем.

Отделение нуристанских языков от остальных знаменовалось утратой призна-

⁵ Дардские языки, считавшиеся в свое время обособленной или промежуточной группой, составляют, как выяснилось, далеко отошедшую «ветвь» индоарийских языков, продолжая все основные признаки древнеиндийского, хотя и с явными следами последующего влияния со стороны других — родственных и неродственных — языков ареала.

ка аспирации и унификацией всех глухих по типу глухих смычных неаспирированных **p*, **t*, **k*. Соответственно, консонантные сочетания, содержащие глухие (из и.-е. обеих серий глухих) дают — по закону Бартоломе — глухие рефлексy (типа **kt*). В индоиранских языках признак аспирации глухих был в ряде лексем более отчетливым, хотя и не всегда устойчивым. Далее в ареале будущих иранских языков, особенно большей части западноиранских, в аспирированных становится преобладающей спирантная реализация и затем устанавливается фонологическая оппозиция «смычный/щелевой» (**p*, **t*, **k* ~ **f*, **θ*, **x*); в других же языках, особенно в большей части восточных и в единичных западноиранских, из-за слабости и неустойчивости здесь аспирации и затем спирантизации, вырабатывается более слабая оппозиция этих серий (**p*, **t*, **k* ~ **p/f*, **t/θ*, **k/x*), с колебаниями в разных лексемах. В индоарийских языках, начиная с древнеиндийского, оппозиция аспирированных/неаспирированных развивается далее и получает устойчивый фонологический статус и соответствующую реализацию как в «свободной» позиции, так и в составе консонантных групп.

3. Рефлексы и.-е. палатальных **k[h]*, **kʰ*, **g[h]* отражались — через этап **k*, **g*, **gh* в виде ранних общеарийских аффрикат **č*, **j*, **jh*⁶ и затем более поздних аффрикат типа **ć*, **f*, **fh*⁷.

В нуристанских языках сохранился их аффрикатный облик, но с продвижением в дентальный ряд и утратой палатального компонента (> *c*, *ɟ*). При этом выделение древних нуристанских диалектов из арийских по способу отражения данных общеарийских аффрикат могло начаться как в ранний общеарийский период (т.е. процесс мог носить характер **č* > *c*, *j*, **jh* > *ɟ*), так и в относительно поздний (с переходом уже **ć* > *c*, **f*, **fh* > *ɟ*). Индоиранские языки развили позднее собственную серию инноваций: общую для индоарийских и иранских языков утрату глухим смычного компонента и переход его в щелевой: **ć* > *ś*, — при сохранении аффрикатности звонких **f*, **fh*. В дальнейшем в древних иранских диалектах сохраняется щелинность глухого **ś* и утрачивается смычный компонент звонкого (вместе с оппозицией аспирации): **f*, **fh* > *z*. Впоследствии в центральных иранских диалектах древности общеиранские **ś*, **z* относительно рано ассимилируются (> *s*, *z*), в маргинальных диалектах ассимиляция идет медленнее и/или развиваются иные инновации. В диалектах-предках индоарийских языков практически удерживается индоиранская презентация этих согласных: **ś* отражается как *ś*, а звонкие аффрикаты **f*, **fh* совпадают с новыми аффрикатами **j*, **jh*, продолжающими и.-е. гуттуральные при их вторичной палатализации, и разделяют судьбу последних, т.е. **f* и **j* дают *j*, **fh* и **jh* переходят в *h*.

4. В общеарийском, возможно, еще не была фонологизована оппозиция свистящих/шипящих, т.е. рефлексы вариантов и.-е. фонемы **s/* продолжались в виде звукотипов, которые воспринимались как позиционные варианты единой фонемы: однофокусный свистящий **[s]* — в начальной, поствокальной и в ряде постконсонантных позиций; двухфокусный «твердый» шипящий **[ʃ]* со вторым велярным фокусом — в позициях после поздне-и.-е. **u*, **r*, **l*, **k*; двухфокусный «мягкий» шипящий **[ʃ]* со вторым палатальным фокусом — в позициях после **i* (включая **i* < **ə*) и рефлексов поздне-и.-е. **k*, очевидно уже представленных в виде **č* или **ć*; ареально существовал также двухфокусный свистящий **[sʰ]* со вторым лабиальным фокусом — в позиции после **u*; имелся и ряд звонких звукотипов аналогичной артикуляции в соответствующих позициях.

⁶ Синхронные им рефлексы и.-е. гуттуральных в позиции палатализации перед **e*, **i*, **j* должны были еще реализоваться как **kʰ*, **gʰ*, **gʰh*, что объясняет их несовпадение с рефлексами палатальных.

⁷ Синхронные им рефлексы и.-е. гуттуральных только на этом этапе могли полностью аффрицироваться в **č*, **j*, **jh*, но и тогда они «отставали на шаг» от аффрикат — рефлексов палатальных и не совпадали с ними.

Перегруппировка этих звукотипов в новые фонемы происходила позднее, неодинаково по ареалам и была связана как с презентацией преконсонантных рефлексов палатальных (см. ниже), так и — в некоторой степени — с местными (иногда субстратными) артикуляторными тенденциями. Общим же было то, что при группировке шипящих звукотипов сказалось отсутствие оппозиции «мягкий»/«твердый» в других подсистемах согласных: шипящие — при противопоставлении их свистящим — объединялись в единые фонемы вне зависимости от мягкости/твердости.

В прануристанских диалектах, где */s/ после *и могла быть представлена в виде *[s^o], в период фонологизации оппозиции «свистящий/шипящий» этот звукотип, наряду с *[s], был отождествлен как вариант свистящей фонемы */s/, а все шипящие звукотипы «отошли» к новой фонеме */š/, которая, возможно, под воздействием субстрата стала реализовываться в виде «твердых» [š], отождествившихся с церебральным рядом — /s/. При этом рефлексy и.-е. палатальных, уже утративших к этому периоду палатальный («шипящий») фокус, перед согласными отражались по типу *ct > st, пополняя варианты фонемы /s/.

В праиндоиранских диалектах, где */s/ после *и была обычно (или всегда) представлена в виде *[š], при фонологизации оппозиции «свистящий/шипящий» ее рефлекс входит в состав фонемы */š/, наряду с другими шипящими звукотипами. В становлении оппозиции «свистящий/шипящий» и в дальнейших ее трансформациях немалую роль сыграли как ареальные артикуляторные тенденции, так и фонологический контекст структуры «сибилянтной» подсистемы. Рефлексy и.-е. палатальных, сохранившие в индоиранский период палатальный («шипящий») фокус, перед согласными отражались по типу *št > *št, пополняя варианты фонемы *š. В древнеиндийском, где под воздействием субстрата */š/ приобрела «твердый» тип реализации и «вписалась» в церебральный ряд в виде /s/, установилась троичная оппозиция «сибилянтов»: s ~ š ~ ṣ, — а также возникли условия для восприятия последовательности *[šr] как */sr/ с последующей гиперкоррекцией (см. выше). Реализация */s/ сохранялась в виде свистящей [s], кроме позиции исхода слова после гласной, где она выступает в виде [h]. В древних иранских диалектах */š/ получила различные виды реализации: «твердый» *[š] с вхождением его рефлексов в церебральный ряд (в языках, где он имеется) или с отражением его в виде «бемольных» звуков (в языках, где церебрального ряда не было или он был утрачен), при образовании здесь новой «мягкой» š из других источников, — в юго-восточной зоне, но «мягкий» *[š] — в остальных языках (что обусловило определенные типы фонологических трансформаций, например, совпадение его рефлексов с рефлексами *ś в скифо-осетинской группе, и мн. др.). Реализация */s/ сохранялась в виде свистящих *[s], *[z] в определенных позициях (в основном, преконсонантных и после согласных дентального ряда) и *[h] в остальных — свободных позициях.

5. Отражения и.-е. *э (т.е. **Ē*) в виде *i в первом слоге в индоиранских языках, при различиях между древнеиндийским и древними иранскими языками в рефлексах *э (**Ē*) в последующих слогах, свидетельствуют о неодинаковом развитии в этом плане не только диалектов индоиранского состояния, но и арийского (при том, что возможности отражения **Ē* в разных слогах в нуристанских языках еще нуждаются в исследовании).

6. Различия между индоиранскими языками в отражении рефлексов гуттуральных перед рефлексами *ṇ, *ṇ также могут указывать на неодинаковость (и неодновременность) переходов типа (*ṇ, *ṇ > *ā > *ā > *a не только в индоиранском, но и в общearийском состоянии (нуристанские языки нуждаются в изучении и в этом плане).

Подытоживая сказанное, можно констатировать, что рассмотренный выше материал подтверждает идею о поэтапной филиации арийской семьи — с выделением нуристанских языков и последующим разделением индоарийских и иранских (ср. [2, с. 9]). Он показывает также, что филиация иранских языков

на две группы уходит корнями в доиранский, т.е. индоиранский период, что обособление юго-западной подгруппы иранских языков начинается в общеиранский период, одновременно с вычлениением ряда других маргинальных (по отношению к иранскому ареалу) языковых групп; выявляется и ряд других элементов филиации арийской семьи. В целом огрубленная схема этого процесса может быть представлена теперь следующим образом:

Кроме того, этот материал позволяет уточнить основные историко-фонетические характеристики индоиранского и общеарийского состояний, позволяя тем самым четче разграничить между собой эти два реконструируемых уровня. При этом он наглядно показывает, что на каждом из уровней мы застаем не монолитный язык, а континуум диалектов. Следует подчеркнуть также, что рассмотрение материала арийских языков с позиций глоттальной теории позволяет не только уточнить ход некоторых историко-фонетических процессов на ранних этапах существования арийской семьи, но и обнаружить их причинно-следственную связь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Morgenstierne G. Indo-European k in Kafiri // NTS, 1945. Bd 13.
2. Morgenstierne G. Languages of Nuristan and Surrounding Regions // Cultures of the Hindukush. Wiesbaden, 1974.
3. Buddruss G. Nochmals zur Stellung der Nūristān-Sprachen des afghanischen Hindukusch // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. 1977. Hf. 36.
4. Ефимов В.А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
5. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
6. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990.
7. Распоргуева В.С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990.
8. Gauthiot R. Essai de grammaire sogdienne. T. I: Phonétique. P., 1914—1923.
9. Benveniste E. Essai de grammaire sogdienne. T. II: Morphologie, syntaxe et glossaire. P., 1929.
10. Gershevitch I. A grammar of Manichean Sogdian. Oxford, 1954.
11. Emmerick R.E. Saka grammatical studies. L., 1968.
12. Konow S. Primer of Khotanese Saka // NTS. 1949. Bd 15.
13. Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge etc., 1979.
14. Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
15. Mayrhofer M. Die Rekonstruktion des Medischen // Anzeiger der Österreichischen Akad. der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl. 1968. Jg. 105. № 1.
16. Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975.
17. Lehmann W.P. Proto-Indo-European phonology. Austin, 1952.
18. Szemerényi O. Einführung in die vergleichende Sprachwissenschaft. 3. Aufl. Darmstadt, 1989.
19. Гамкрелдзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. I—II. Тбилиси, 1984.
20. Степанов Ю.С. Индоевропейское предложение. М., 1989.
21. Абаев В.И. Parerga 2. Языкознание описательное и объяснительное (о классификации наук) // ВЯ. 1986. № 2.
22. Bartholomae Chr. Vorgeschichte der iranischen Sprachen // GIPh. Bd I. Abt. 1. Strassburg, 1895—1901.

23. Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
24. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. 2-е изд. М., 1988.
25. Geiger W. Kleinere Dialekte und Dialektgruppen // GPh. Bd I. Abt. 2. Strassburg, 1898—1901. S. 415 sq.
26. Henning W.B. The Khwarezmian language // Z.V. Togan'a Armağan. Istanbul, 1956. P. 429.
27. Эдельман Д.И. К фонемному составу общеиранского (о фонологическом статусе *x^v) // ВЯ. 1977. № 4.
28. Эдельман Д.И. К типологии индоевропейских гуттуральных // ИАН СЛЯ. 1973. № 6. С. 544.
29. Эдельман Д.И. К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ. 1982. № 1.
30. Эдельман Д.И. К генетической классификации иранских языков // ВЯ. 1984. № 6.
31. Эдельман Д.И. Некоторые проблемы сравнительно-исторической морфологии иранских языков // ВЯ. 1988. № 6. С. 51—54.
32. Benveniste E. Le système phonologique de l'iranien ancien // BSL. 1968. T. 63. Fasc. 1.
33. Елизаренкова Т.Я. Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков. М., 1974.
34. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958; Т. II. Л., 1973. С. 149, 406; Т. III. Л., 1979. С. 297 и др.; Т. IV. Л., 1989. С. 40.
35. Reichelt H. Awestisches Elementarbuch. Heidelberg, 1909. S. 39—40, 42—43.
36. Kent R. Old Persian: Grammar. Texts. Lexicon. New Haven, 1950. P. 29—30, 36.
37. Соколов С.Н. Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 155.
38. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
39. Топоров В.Н. Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС) // Symbolae linguisticae in honorem G. Kuryłowicz. Wrocław, 1965. С. 30—31.
40. Стеблин-Каменский И.М. Историческая фонетика ваханского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 139—142, 153—154 и др.
41. Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии (на материале индоиранских языков). М., 1968. С. 84.
42. Kuiper F.B.J. Old East Iranian dialects // IJ. 1976. V. 18. № 3/4.
43. Kuiper F.B.J. Old East Iranian *nāmani «names», etc. // IJ. 1978. V. 20. № 1/2. P. 90—91.
44. Kuiper F.B.J. On Zarathustra's language. Amsterdam etc., 1978. P. 16—18.
45. Ravnæs E. The development of *ə*/interconsonantal laryngeal in Iranian // IJ. 1981. V. 23. № 4.
46. Beekes R.S.P. The neutral plural and the vocalization of the laryngeals in Avestan // IJ. 1981. V. 23. № 4.
47. Mayrhofer M. Vorgeschichte der iranischen Sprachen: Uriranisch // Compendium Linguarum Iranicarum / Hrsg. von Schmitt R. Wiesbaden, 1989. S. 7—8.
48. Kuiper F.B.J. // IJ. 1978. V. 20. № 1/2. P. 101. Rec.: Morgenstierne G. Irano-Dardica.